

РОЖДЕНИЕ

Там, где мыс золотой до камушка,
Где серебряны гривы трав,
Приняла меня Лена-Бабушка*,
Повитухой моею став.

И подвесила, лунолица,
У Вселенной всей на виду
Колыбель мою лёгкой птицею
За Полярную, за звезду.

Приголубила вьюгой-песнею,
Синеву вдохнув мне в глаза.
И качался с ней в поднебесье я –
Сто веков вперёд, сто назад.

И плыла внизу осиянная,
Молодая, как вечный пир,
Свет-земля моя восьмигранная,
Мой желанный Срединный мир.

И летел мой смех в обе стороны,
И росла со мной коновязь,
И цвели на ней в полдень вороны,
В ясных соколов обратясь.

ДЕТИ ПОБЕДЫ

Звонят от забытого смеха
Воскресшие к жизни дворы:
Мы – дети военного эха,
Весёлой и гордой поры.

Пускай кое-как мы одеты,
Пусть жалит бока снеговой,
Зато мы любовью согреты
Расцветших опять матерей!

*Якуты издревле называют реку Лену «Бабушкой».

Пускай мы порою мечтаем
О горстке простых леденцов,
Зато в небеса мы взлетаем
На сильных ладонях отцов!

Пускай мы не скоро узнаем,
Как с ними прошли сквозь бои,
Зато мы с восторгом цепляем
Медали на майки свои.

И что нам какие-то беды,
Когда в мире столько весны!
Мы – дети Великой Победы,
Мы – дети Великой Страны!

ЧЁРНАЯ СМОРОДИНА

Я сошёл с небес в твой далёкий лес,
Здравствуй, моя родина...
Только больше нет здесь твоих примет,
Даже огонька.
И, не зная рук, разрослась вокруг
Чёрная смородина.
Как она горька,
Как она горька,
Как она горька!

Сколько разных стран сквозь чужой туман
Было мною пройдено.
Сколько громких слов,
Сколько лишних строф
Вывела рука.
А вот тут дрожит в немоте обид
Чёрная смородина.
Как она горька,
Как она горька,
Как она горька!

Как же это вдруг твой замкнулся круг?
Что с тобою, родина?!
В чёрный крутояр, в мёртвый окоём
Плещется река.
Как следы от пуль, на крыльце моём –
Чёрная смородина.
Как она горька,
Как она горька,
Как она горька...

КРАСНЫЙ АНГЕЛ

На краю простуженной Вселенной,
Еле слышно крыльями шурша,
С берегов заледеневшей Лены
Вознесётся русская душа.

Обогнув морозы и туманы,
В небесах найдёт она окно.
И омоет белым гулом раны,
И снегами причастится, но

В рай её, советскую, не пустят,
В ад не вторгнут – нет таких грехов,
И удержат алый сгусток грусти
Только крылья тонкие стихов.

Наверху вздохнёт седой архангел,
Сатана внизу слезу утрёт...
И тревожный ярко-красный ангел
Между ними в вечность поплывёт.

ДОМОВЫЕ

За Чёрным Мысом, где клубятся ели
И смотрят звёзды в чёрный окоём,
Они устало у костра сидели
И что-то пели грустно о своём.

От песни этой сумрачной и древней
Сникали травы в тишине лесной,
И только где-то призраки деревни
Дрожали миражами за спиной.

И только где-то, на погосте старом,
Сокрытые годами и листвою,
Вставали тени белые по парам
И горько в такт кивали головой.

Их голоса кружил по долу ветер
Среди деревьев тёмных и чужих...
Нет ничего печальнее на свете,
Чем песня трёх бездомных домовых.

РОДИНА

Она ушла на дно, как Атлантида,
В зелёные и жёлтые моря.
И плачет зря российская Исида,
Над травами бездонными паря.

Не разорвать ни вестом, ни норд-остом
Терновых пут над родиной моей,
И лишь кресты качает над погостом,
Как мачты затонувших кораблей.

В пучинах трав бывшее утопает,
И где-то там, на равнодушном дне,
Оно бессильно к памяти вызывает
На недоступной людям глубине.

Я на закате этот зов услышу,
Но не увижу рати за спиной.
И, как на копья, упаду на крышу,
Пронзённую безжалостной травой.

Померкнет сон, как старая икона,
Но в полночь вспыхнет, словно наяву:
Очнулся я,
Отбил косу до звона,
Перекрестился
И шагнул в траву...

* * *

Ветра гиперборейские задули,
Их песне без привычки не подпеть.
И снег такой, что в нём завязли пули,
Что до меня пытались долететь.

Хранит мой дом ревушая отрада.
Или хоронит в снежной глубине?
Ушла в сугробы с головой ограда,
Часы навек застыли на стене.

Который день я в белом саркофаге
Не отличаю ночи ото дня.
Лишь строчки проступают на бумаге,
Когда её поддержишь у огня.

Дрожит от пурги перегида
Мой Север, свернувшийся в круг:
Куда ни пойдешь я отсюда,
Любая дорога – на юг.

Застыли Шекспир и Неруда,
Упрятали руки в золу:
Куда ни пойдешь я отсюда,
Любая дорога – к теплу.

Но дремлет частицею чуда
Забывшее солнце в крови:
Куда ни пойдешь я отсюда,
Любая дорога – к любви.

И что мне на окнах простуда,
Распяты сосны в мольбе:
Куда ни пойдешь я отсюда,
Любая дорога – к тебе.

ПРОФЕССИЯ

Я лечу среди ночи над землёю болезной,
Чтоб по первому зову своё сердце отдать.
Я лечу, словно ангел, только ангел железный:
Я без крыльев железных не умею летать.

Я лечу — битый ангел из российского ада,
Где смола над кострами плывёт через край.
Я — неправильный ангел, но кому-то же надо
Поднимать эти души в придуманный рай.

Я трублю — хриплый ангел,
ведь кому-то же надо,
Чтобы голос надежды над неверием плыл.
Я спешу – глупый ангел, и по курсу награда:
Двести граммов пластида для оторванных крыл.

* * *

На закате встретившись с Россиею,
На брусчатку я с небес спущусь.
На собор Блаженного Василия,
Как на дом свой бывший окрещусь.

Усмехнётся зло столица Родины,
С паперти собьёт меня пинком:
Нужен ей совсем другой юридивый –
С отсеченным русским языком.

* * *

Катит дождь дырявую телегу
Над московской серой мостовой.
Как же я соскучился по снегу,
Как же истомился, Боже мой!

Я шагаю сумрачным илотом
На неверный свет чужой свечи.
На Болотной чавкает болото,
Да кричат кикиморы в ночи.

В чёрном баке тощая жар-птица
Доедает чьи-то пироги.
Недовольным псом рычит столица,
Но кормильцам лижет сапоги.

Купола сникают в летаргии,
С серостью и пошлостью смирясь...
Нету снега – вот и нет России!
Всю втоптали, бедолагу, в грязь.

ТЕНИ

Мы шли впервые рядом в это час
И даже рукавами не касались,
Но наши тени в двух шагах от нас
Уже напропалую целовались.

ПЯТЫЙ ЭЛЕМЕНТ

«Пятым элементом» в секретных документах Гулага называли уран, который добывали на Колыме и Чукотке

Призраком ползёт по дороге в ад
Чёрный «Виллис».
Сросся навсегда с чёрною скалой
Сталинский цемент.
Здесь не пролетал на своем такси
Брюс Уиллис.
И не вёз сюда пятый элемент,
Пятый элемент.

На Бутугычаг стянута петлёй
Дорога.
В темноте кишат тени пулемётных
Лент.
Пятый элемент, как его вокруг
Было много.
Как он страшен был, пятый элемент,
Пятый элемент.

На щетине мха черепов распиленных
Груда.
Для любого зла хоть куда готов
Постамент.
Пятый элемент, он у нас не от
Голливуда.
От Гулага он, пятый элемент,
Пятый элемент.

Снова я проснусь, снова закричу ночью:
«Мама!»
Снова не дождусь от своей страны
Хоть глотка любви...
Пятый элемент мне всю жизнь нести
К стенам храма.
Храма на крови. Храма на крови.
Храма на крови...

ШАТУН

Бросив вызов миру целому,
Под отчаянной звездой
Я бреду по снегу спелому
Не заснувши бедой.

Я наспался за столетия,
Я устал от жалких снов:
Подавай мне лихолетия
С потрясением основ!

Подавай мне ширь раздольную,
Мне другим уже не стать,
Не смогу я волю вольную
На берлогу променять.

И хотя прекрасно знаю я:
Ждёт меня последний пир,
Но со снегом подминаю я
Под себя ничтожный мир.

Я ворвусь в конюшню вечером,
Заломаю я коня –
Не люблю я человечины,
Пусть уж ест она меня!

Холод, голод и лишения
Я вонжу клыками в плоть,
И отпустит прегрешения
Мне звериный мой Господь.

Я наполнюсь дикой силою,
Задымлюсь от куража,
Пусть трясутся руки с вилами,
Пусть стволы скулят, дрожа.

Я зайдусь в смертельной радости
Главным гостем на пиру...
В этой жизни нету сладости,
Слаще смерти на миру!

Я забыл слова людей, но зато нашел другие,
Те, упавшие росой в полнолуние с небес.
И сложились песни вдруг очень странные такие,
Что запев их разобрал лишь один дремучий лес.

Повторить за мной не мог их ни конный и ни пеший,
Но вот тополь выводил побледневшею листвою.
И когда я их шептал, выходил из чащи леший
И задумчиво кивал в такт зелёной головой.

Мне б и дальше так же жить – вызывать с рассветом духа,
Строить пение дриад, править добрые дела...
Но стальная стрекоза, распахнув ловушку брюха,
Заманила внутрь меня да и к людям унесла.

Я вернулся в сладкий плен, я глядел в глаза родные,
Что вставали миражом из таёжного огня.
Вспомнил я слова людей, но зато забыл другие,
И огромный тайный мир отвернулся от меня.

МАРТ

Ещё от ветра вытирают слёзы
Берёзы на обочине реки,
И в подворотнях прячутся морозы,
Позёмки намотав на кулаки.

Но золотой уже распахнут улей,
И ворохнулись в омуте сомы,
И воробей серебряною пулей
Пронзает грудь растерянной зимы.

И что-то шепчет домовой на ушко,
И в голос входят утром петухи.
И сладкой тайной светится опушка,
Где в скорлупу снегов стучат стихи.

* * *

Полыхнёт под утро озаренье,
Подарив пронзительный итог:
Это ты мое стихотворенье,
А не то, что сохранит листок.

Всё вместив от ада до эдема,
Ослепляя белою строфой,
Ты – моя великая поэма,
В час безумства созданная мной.

Я испит до дна твоею ночью,
И слова пустые не нужны
Родинок плывущих многоточью
На поляне золотой спины.

Как вести с тобой и небом битву,
Если каждый слог настолько груб,
Что не ляжет никогда в молитву
Междометий опалённых губ.

Что найти мне в словаре убогом,
Что поставить в бесполезность строк
Рядом с этой, выточенной богом,
Рифмой двух летящих к звёздам ног?!

* * *

Так давно известно людям это,
Что не надо спрашивать волхвов:
Чем на свете хуже для поэта,
Тем и лучше для его стихов.

Такова поэту Божья воля,
Чтоб платил он кровью за слова,
Чтоб росли стихи из чистой боли,
Всеуе не плетясь, как кружева.

Чтоб его не баловали грёзы:
К звёздам вознося, бросали ниц.
И чтоб многоточия, как слёзы,
Прожигали всполохи страниц.

И чтоб лишь в последнюю дорогу,
Из-под сердца вынув горстку слов,
Дал Господь их, радостных, немного
Лучшему из избранных сынов.

* * *

Умиравший лебедь поёт свою лучшую песню.
Умиравший клоун – он так невозможно смешон.
А поэт уходящий становится будто кудесник,
И заветное слово находит играючи он.

Это слово искал он когда-то в ночи самой чёрной,
Настигал это слово он в звёздное время своё.
Ускользало оно. А теперь подчинилось покорно
И вонзилось в строку, гениальностью метя её.

Вздрыгнет мир за окном и в волшебной музыке утонет,
Вдруг ворвётся с небес и осветит каморку звезда.
Он запишет строку и перо на бумагу уронит,
И поднять его снова не сможет никто никогда.

* * *

Перелётные души уплывают под звёзды,
Оставляя планете брэнность сброшенных тел.
Перелётные души, перелётные грёзы,
А ведь я не однажды в вашей стае летел.

Невпопад я рождался в окаянном столетье,
Невпопад погибал я в самых глупых боях.
И слепило до боли эпох разноцветье,
Но никак не встречалась эпоха моя.

Оставлял я потомкам завещаньем на небыль
Арбалетные стрелы, эшафотную кровь...
А душа уплывала с надеждой на небо,
Забирая с собою лишь добро и любовь.

Перелётные души уплывают под звёзды.
Как забытый подранок, я кричу на восток.
Мне ещё для запястий не откованы гвозди,
Мне ещё для распятья не пробился росток.